Майский

ЛЕНИНИЗМ И ОЦЕНКА ХАРАКТЕРА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
EE135
M148

Н. МАЙОРСКИЙ и Н. ЭЛЬВОВ

EE135
M148

ЛЕНИНИЗМ И ОЦЕНКА ХАРАКТЕРА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

К+
EE135
M148

Н. МАЙОРСКИЙ и Н. ЭЛЬВОВ

335. 5 л.
№ 14

ЛЕНИНИЗМ И ОЦЕНКА ХАРАКТЕРА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

К.
2004

EG135
M148 Р

Библиотека
Института Ленина
при ЦК ВКП(б)

сф (922 28)
6617 2707 ex1.
36

1051471

Мосгублит № 11.438. 1928 г. 5.000 экз.

«Мосполиграф», 16-я тип., Трехпрудный пер., 9.

ОТ АВТОРОВ

Настоящая брошюра впервые была напечатана в несколько сокращенном виде в № 11 «Пролетарской революции» за 1927 г. под заглавием «К вопросу о характере и движущих силах Октябрьской революции». Писалась она еще в начале 1927 г. в связи с партийной дискуссией того периода. С тех пор ушло много воды, и работа эта утеряла характер политической злободневности. Мы думаем, однако, что она имеет право на существование, так как нужда в материале, систематически освещающем дискуссионные вопросы недавнего прошлого, очень велика.

I

Истекло десять лет пролетарской диктатуры. Партийная мысль заостряет свое внимание на этом важнейшем этапе, подводит итоги, намечает дальнейший путь, разрабатывает теоретические проблемы. Одной из интереснейших и серьезнейших проблем такого порядка является сам Октябрь, его происхождение, иначе говоря, возможность установления диктатуры пролетариата в России.

Как известно, великая российская революция 1917 г. началась как буржуазно-демократическая революция. Но уже в первые месяцы своего развития она начала выходить за буржуазно-демократические рамки и пришла к диктатуре пролетариата раньше, чем истек год после свержения самодержавия. Для всего буржуазного мира, для всех предателей рабочего класса и на ряду с этим и для многих честных революционеров, страдающих непониманием марксово-ленинской диалектики, этот факт был и остается загадкой. Те, кто вообще допускал возможность социалистической революции или даже считал ее необходимой, привыкли свя-

зывать представление о социализме с высоко развитым уровнем промышленности и во всяком случае не могли себе представить возможности победы социалистической революции в такой отсталой стране, как Россия, с ее преобладанием крестьянского населения. Отсюда различные попытки по-своему истолковать факт победы пролетарской революции в России. Октябрьская революция—солдатский бунт, поражение большевиков неизбежно, советская власть—об'ективно не социалистическая власть,—таковы типичные положения подобного рода, основной смысл которых заключается в отрицании положительной исторической закономерности за Октябрьской революцией. Поэтому вскрытие этой положительной исторической закономерности, четкое обоснование ее является одной из важнейших задач партийной мысли.

Эта задача особенно важна потому, что Октябрьская революция далеко еще не отошла в историю. Борьба, начатая в Октябре, еще не завершена и продолжается в наши дни. Говорить об исторической закономерности Октября—значит говорить о нашей современной борьбе. Очень характерно и совсем не случайно то, что некоторые важнейшие пункты внутрипартийных разногласий последнего времени, хотя бы по вопросу о построении социализма в одной стране, целиком упираются в вопрос о характере и движущих силах Октябрьской революции. С другой стороны, и такие значительнейшие моменты в мировой революции, как национально-освободительная борьба в Китае и других колониальных странах, тоже могут быть поняты и оценены лишь при правильном понимании характера российского Октября и исторической закономерности, приведшей к нему.

Настоящая брошюра ставит своей целью изложить ленинскую оценку характера и движущих сил Октябрьской революции и выявить ее отличительные особенности по сравнению с другими взглядами, высказывавшимися в нашей партии в 1917 г., т.-е. прежде всего с взглядами Каменева и Троцкого.

II

Совершенно несомненно, что основное положение ленинской оценки характера и движущих сил революции 1917 г. заключалось в том, что российская революция должна была перешагнуть через буржуазно-демократические рамки, т.-е. стать революцией социалистической. Доказывать это нечего. Суть вопроса заключается в том, к а к обосновывал Ленин это положение, к а к и е предпосылки социалистической революции в России видел он. Вообще говоря, мыслимо различное обоснование возможности перехода к социалистической революции в России. Можно ставить вопрос, например, следующим образом: сама по себе взятая Россия, конечно, не может дать достаточных предпосылок для социалистической революции, но так как Россия соприкасается с высоко развитыми капиталистическими странами, то можно таковую революцию начать, в уверенности, что она скоро перекинется на соседние передовые страны. Это один тип обоснования социалистического характера российской революции. Как увидим дальше, такую точку зрения развивал в 1917 г. Л. Д. Троцкий. Мыслима также и следующая постановка вопроса: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный

закон капитализма»[1]). Отсюда следует, что соотношение политических сил может не вполне соответствовать экономическому уровню. В России не было экономических предпосылок к социалистической революции, но зато существовали весьма серьезные политические предпосылки: исключительная революционность пролетариата, слабость буржуазии и т. п. Именно эти политические предпосылки—и только они—дали возможность российской революции перешагнуть через буржуазно-демократические рамки.

Исходной точкой такого типа рассуждений является ленинская формулировка закона неравномерности развития капитализма. Но в целом подобное обоснование социалистического характера Октябрьской революции не является ленинским. Верно, конечно, что соотношение политических сил может не соответствовать точно экономическому базису и что в России, конкретно, это несоответствие давало большие преимущества пролетарской революции. Но неверна мысль, что в России не было никаких экономических предпосылок для социалистической революции. При всем громадном значении, какое может иметь и имеет политический фактор, он может только усиливать или ослаблять те или иные тенденции социально-экономического развития, но не создавать их. Если бы не было экономических предпосылок к социалистической революции в России, то российская революция не была бы социалистической.

Основная особенность ленинского обоснования социалистического характера российской рево-

[1]) Н. Ленин, собр. соч., т. XIII, стр. 133.

люции заключается именно в том, что Ленин находил на российской почве вполне определенные экономические предпосылки к социалистической революции.

Трудность понимания вопроса об экономических предпосылках социалистической революции вообще об'ясняется влиянием социал-демократической традиции. Согласно этой традиции, понятие «экономические предпосылки» воспринималось исключительно как «уровень производительных сил», «степень капитализации страны». С этой точки зрения устанавливалась чисто механическая зависимость между степенью капиталистического развития страны и степенью подготовленности ее к социалистической революции. Чем более развит капитализм, тем ближе революция, и наоборот. Но в этой простенькой схемке упускался из виду первостепенной важности фактор—состояние этих существующих производительных сил, их процветание или кризис. История нашей эпохи показывает, что революция начинается не просто там, где мощно развиты производительные силы капитализма (хотя бы в Соединенных Штатах), а там, где эти производительные силы дезорганизованы, падают, где старый господствующий класс—буржуазия—не в силах с ними справиться. Со стороны социал-демократов, мечтающих о мирном переходе от капитализма к социализму, игнорирование этого момента вполне естественно. Но со стороны революционеров, коммунистов, подобное игнорирование было бы, наоборот, диким.

Понятие «экономические предпосылки социалистической революции» следует поэтому расчленять на две части: уровень капитализма и

его состояние. Только взаимодействие этих д в у х элементов может определить подготовленность той или иной страны к социалистической революции. Может оказаться (и так оказалось), что страна с более низким уровнем производительных сил раньше других приходит к смертельному кризису. И только самая грубая социал-демократическая слепота может тогда удержать пролетариат от того, чтобы воспользоваться таким положением. Само собой разумеется, что такая постановка вопроса отнюдь не уничтожает значения уровня производительных сил. Слово «смерть» предполагает, во-первых, что к т о - т о (т.-е. капитализм) ж и л и теперь умирает; во-вторых, что могильщик капитализма—пролетариат—достаточно силен, чтобы выполнить свою историческую роль, а пролетариата ведь не может быть без капитализма. Но все это не должно ставиться б е з у с л о в н о, п е д а н т и ч е с к и, а целиком и полностью исторически. Вопрос об уровне производительных сил капитализма, без которого невозможен переход к социализму, должен ставиться как вопрос о м и н и м а л ь н о м уровне (см. статью тов. Бухарина, «Большевик», 1926 г., № 19—20). При существовании такого м и н и м у м а, размеры которого тоже могут быть определены только исторически, решающее значение приобретает фактор кризиса, распада и готовность пролетариата использовать этот кризис. Все это целиком вытекает из закона неравномерности развития капитализма.

Все недоразумения и непонимания, которые обычно возникают в связи с законом неравномерности развития капитализма, большей частью связаны с упрощенным пониманием его: в одних стра-

нах капитализм развит больше, а в других странах—меньше; есть, мол, страны передовые и страны отсталые—в этом сущность закона неравномерности.

Такое упрощенное понимание закона неравномерности развития капитализма лишь сбивает с толку. Оно тем менее пригодно, что совершенно стушевывает отличие характера неравномерности развития капитализма в империалистической стадии от его развития в «классическую эпоху». Может создаться впечатление, что благодаря «нивелировке» значение закона неравномерности постепенно уменьшается и падает. Так, по крайней мере, толковал вопрос Л. Д. Троцкий на XV партконференции. Все это вполне последовательно и логично, если понимать закон неравномерности как неравенство суммы капиталистических производительных сил в различных странах.

Но вся суть в том, что именно такое понимание закона неравномерности совершенно неверно. Конечно, различие силы капитализма в разных странах ближайшим образом связано с неравномерностью развития капитализма. Но это различие является скорее следствием закона неравномерности, чем его существом, содержанием. Неравномерность развития капитализма надо брать именно как неравномерность р а з в и т и я, т.-е. как процесс, динамически. Чтобы до конца разобраться в сущности закона неравномерности развития капитализма, надо поставить вопрос во всей сложности.

Прежде всего мы сталкиваемся с вопросом о самом возникновении капитализма. Возникает ли капитализм (промышленный капитализм, конечно) одновременно во всех или хотя бы в глав-

нейших странах? Безусловно, нет. Промышленный капитализм, как таковой, определенно оформился сначала в одной стране, потом перешагнул в другую, потом в третью и т. д. В этом различии времени возникновения промышленного капитализма в разных странах—первое проявление закона неравномерности. Второй вопрос: начинает ли капитализм свое развитие на новой территориальной базе каждый раз сначала, с исходного пункта, проходя одинаково все промежуточные стадии? Точно так же—нет. Свое развитие на новой почве капитализм обычно начинает с уже достигнутой в другом месте ступени развития, т.-е. на более высокой основе. В этом—второе проявление закона неравномерности. Третий вопрос: сразу ли и равномерно ли происходит охват капитализмом новой территориальной почвы, которую он начинает завоевывать? Разумеется, нет. На каждой отдельной «национальной» базе капитализм в меньшем масштабе и в конкретно отличных, но принципиально тождественных формах повторяет те же особенности развития, которых мы коснулись выше. В каждой стране капитализм имеет особые очаги распространения, шагает от одного очага к другому, сожительствует с отсталыми формами хозяйства.

Наконец, о т е м п е развития капитализма. Несомненно, что из всех проявлений закона неравномерности т е м п р а з в и т и я капитализма наиболее важен. Но и этот вопрос надо расчленить. Неравномерность темпа развития капитализма надо видеть, во-первых, при сравнении развития различных капиталистических стран. Одна развивается быстрее, другая—медленнее. Это неравномерность, так сказать,

по месту. Но есть неравномерность развития капитализма также и во времени. Каждая страна, каждый отдельный элемент капиталистического хозяйства—больший или меньший—развивается неодинаковым темпом в различное время. То-есть, иначе говоря, развитие капиталистического хозяйства, и целого и его частей, происходит неравномерным темпом, диалектически, скачками. Так именно ставил вопрос на пленуме ИККИ тов. Сталин. Это проявление неравномерности развития капитализма особенно важно. Оно подводит нас вплотную к пониманию различия между проявлением закона неравномерности в эпоху империализма и в эпоху классического капитализма.

Вся суть в том, что в эпоху империализма капитализм начинает загнивать, т.-е. падать, деградировать. Если раньше кризисы капиталистического хозяйства были преходящим явлением, не свидетельствовавшим о распаде, то теперь преходящим явлением начинает становиться под'ем, а кризис приобретает значение нормального явления. Конкретные формы этого кризиса—мировая война, «чисто экономический» упадок—для нас здесь не важны. Важно только подчеркнуть, что для эпохи империализма колоссальнейшее значение приобретает развитие со знаком минус, которое усугубляет скачкообразность, неровность, мучительность всего процесса.

Этот момент исключительно важен для понимания закона неравномерности развития капитализма и означает неравномерность его распада. Распад капитализма начинается не сразу во всех странах, а только в нескольких или в одной. Процесс распада происходит неравномерно,

не постепенно и не одинаково, в разных местах и в разное время. Он то обостряется, то ослабляется, то прерывается временным под'емом («стабилизация»). Только имея в виду, что закон неравномерности развития капитализма является также законом неравномерности его гибели, можно понять связь этого закона с вопросом о победе социализма в одной стране.

Закон неравномерности развития капитализма особенно ценен именно тем, что он позволяет об'яснить не только почему возможна первоначальная победа социализма в одной стране, но также и почему эта страна не обязательно должна быть из наиболее передовых. Здесь важны два момента. Во-первых, что «отсталая страна» может совмещать в себе докапиталистические формы хозяйства с высшей стадией капитализма — империалистской монополией. Во-вторых, то, что, в-силу различных исторических условий, распад капитализма может начаться в отсталой стране раньше, чем в передовых, и протекать в ней в особенно острых формах. Все это вместе дает необходимые «экономические предпосылки» для социалистической революции.

Россия в 1917 г. как раз представляла собой пример страны с минимально необходимым промышленным уровнем и максимально неблагополучным состоянием этого уровня.

Что Ленин именно так ставил вопрос о русской революции, видно почти из каждой его статьи этого периода. Ход рассуждений его был таков: ведущая империалистическую войну Россия идет навстречу катастрофе. Подрываются основы народного хозяйства, рабочие и крестьянские массы впа-

дают в нищету. Ни стоящая у власти буржуазия (Временное правительство), ни широкие мелкобуржуазные массы не могут вывести страну из тупика. Буржуазия заинтересована в войне и в угнетении масс. Мелкая буржуазия в плену у крупной. Только пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством может кончить войну и спасти страну от голода. Но делая это, пролетариат перешагнет через буржуазно-демократические рамки революции и перейдет к социалистической диктатуре, так как только через движение к социализму возможно восстановление разрушений, выход из войны и вообще избавление от всех бедствий, принесенных эпохой империализма.

Уже в первом «Письме издалека» Ленин говорит, что «хлеб есть и может быть получен, но не иначе, как путем мер, не преклоняющихся перед святостью капитала и землевладения»[1]), что только социализм «один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу»[2]).

Наиболее полно и ясно Ленин развернул свою точку зрения в известной брошюре «Грозящая катастрофа, и как с ней бороться». Ленин писал:

> «Стоять на месте нельзя в истории вообще, во время войны—в особенности. Надо итти либо вперед, либо назад. Итти вперед в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, нельзя, не идя к социализму, не делая шагов к

---

[1]) Н. Ленин, собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 11.
[2]) Там же, стр. 13.

нему (шагов, обусловленных и определенных уровнем техники и культуры: крупное машинное хозяйство нельзя «ввести в земледелие крестьян», его нельзя отменить в сахарном производстве)» [1].

Необходимость «движения вперед» и возможность его Ленин одинаково выводил не просто из эмпирического факта разрухи и голодного отчаяния масс. Задача перехода к социалистической революции представлялась Ленину подготовленной глубокими силами исторического развития и основанной на вполне реальных экономических предпосылках. Важнейшей экономической предпосылкой социалистической революции Ленин считал тот факт, что капитализм достиг стадии монополистического и государственно-монополистического капитализма и что эта стадия непосредственно предшествует социализму. Вот выдержка, вполне точно формулирующая эту мысль:

«Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание,—никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически,—а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называе-

[1] Н. Ленин, собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 208.

мой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» [1]).

Разработке вопроса о государственно-монополистическом капитализме Ленин в этот период уделял большое внимание. Когда он говорил, что война гигантски ускорила темп развития капитализма, он имел в виду именно полный расцвет государственной монополии. И то, что последняя является непосредственным предшественником социализма, он подчеркивал непрестанно. Вот еще одна характерная формулировка:

«Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» [2]).

при ЦК ВКП(б) 10514/1 29/IX 1947

В этой формулировке заключается, помимо прочего, и определение самого перехода от капитализма к социализму, определение принципиального значения национализации капиталистически-монополистической промышленности.

Но может показаться, что, говоря о государственно-монополистическом капитализме, Ленин имел в виду исключительно высоко развитые страны Западной Европы, исключая Россию из своего прогноза. Несомненно, такое заключение было бы совершенно не верным. Прогноз Ленина охватывал и Россию,—можно даже сказать, что Россию прежде всего, поскольку речь шла о русской ре-

---

[1]) Н. Ленин, «Грозящая катастрофа», собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 209.

[2]) Там же, стр. 208.

БИБЛИОТЕКА при ЦК КПСС

волюции. На этот счет, во всяком случае, имеются совершенно прямые указания у Ленина.

> «Что в России тоже капитализм стал монополистическим, об этом «Продуголь», «Продамет», сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно. Тот же сахарный синдикат показывает нам воочию перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм» [1]).

Точность и подлинный смысл мысли Ленина не вызывает никаких сомнений. Ленин искал и находил в России экономические предпосылки, делавшие переход к социалистической революции возможным и необходимым ибо... «никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически». И в этом особенность и колоссальнейшее значение ленинской точки зрения.

Нечего и говорить, что ленинская постановка вопроса не выбрасывала из своего поля зрения экономическую отсталость России. Признание наличия в России капиталистической и государственно-капиталистической монополии не исключало признания не менее реального факта, что эту монополию окружало безбрежное мелкобуржуазное крестьянское море. Но Ленин не видел в факте этого мелкобуржуазного окружения непреодолимого препятствия для социалистической революции. Хорошо известно,

---

[1]) Там же, стр. 207.

с каким презрением клеймил Ленин впоследствии пугливое социал-демократическое оглядывание на техническую отсталость, на незавершенность процесса капитализации русского хозяйства и т. п.

> «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать—каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»[1]).

Эту выдержку, достаточно хорошо известную самым широким партийным кругам, надо всегда помнить и всегда понимать во всей глубине ее значения. Особенно важно заметить, что возможность «догнать другие народы» Ленин во всяком случае выводил не из одного только желания пролетариата это сделать. Когда Ленин говорил о возможности создания материальной базы для социализма «на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя», это не значило, что он предполагал полное отсутствие подобной базы до захвата власти. Ведь для самого захвата власти, для создания советского строя, для обеспечения сохранения этого строя до полной победы социализма тоже необходима была вполне определенная база. Эта база могла быть недостаточна для немедленного или очень скорого построения полного социалистического общества, но она должна была

---

[1]) Н. Ленин, «О нашей революции», собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 119.

бы быть достаточна для обеспечения первых переходных социалистических мероприятий и беспрепятственного «мирного роста» социализма под охраной диктатуры пролетариата. Несомненно, что Ленин такую базу в России видел. Ведь когда он в 1918 г. писал о пяти укладах российской экономики, это не значило, что социалистический сектор российского хозяйства откуда-то неожиданно выскочил, точно по волшебству. Это была старая российская капиталистическая индустрия, превращенная в социалистический элемент актом пролетарской национализации. Пусть этот—раньше капиталистический, теперь социалистический—элемент был сравнительно не особенно мощен, пусть это был по своим размерам даже не остров, а «островочек» в мелкобуржуазном море,—но и этого «островка» было достаточно, чтобы стать твердо на ноги, двинуться вперед и победить.

Если капитализм в России находился в мелкобуржуазном окружении, то все же именно он, капитализм, командовал над этим окружением и мало-по-малу в перспективе должен был преодолеть его. Социалистический пролетариат мог, по мнению Ленина, вполне свободно использовать уже существующую командную базу крупного производства, развить ее и продолжать преодоление мелкобуржуазного окружения до конца, но, разумеется, иными методами и с иным конечным результатом. В этом пункте Ленин наносит решительный удар социал-демократической традиции, считающей полную капитализацию всего хозяйства необходимой предпосылкой социалистической

революции. Ленин необходимой предпосылкой социалистической революции считал достижение капитализмом стадии загнивания, распада, которая как раз соответствует монополистическому капитализму. Российский капитализм этой стадии достиг, его разложение происходило в особенно тяжелых и откровенных формах, господство буржуазии себя изживало, создавалась предпосылка для захвата власти пролетариатом,—и этим вопрос для Ленина решался.

То, что российский капитализм, вообще говоря, был еще молод и не выполнил всего, что мог бы выполнить,—не меняло дела. Старческое увядание может притти и в молодые годы, если к этому есть определенные предпосылки. Российский капитализм рос, как худосочный ребенок, не на молоке матери—широкого свободного крестьянского рынка, который бился в тисках крепостнической политики царского самодержавия,—а на «искусственном питании» иностранного и казначейского золота, как следствии той же крепостнической политики. Вскормленный в тепличных условиях, он рано стал взрослым и, имея гораздо меньше сил, чем его собратья, кинулся в омут той же политики, какую они вели. Нет ничего удивительного, что он первый почувствовал на себе всю тяжесть этой политики. Империалистическая война своими непосильными трудностями заставила российский капитализм сделать невероятное напряжение, окончательно состарила его, высосала все силы и привела к положению умирающего от полного истощения.

Возможно ли было его «выздоровление»? По всей вероятности, возможно. Разложение капитализма есть сложный и длительный процесс, не исключающий периодов восстановления и временного расцвета. Такой расцвет был, повидимому, особенно вероятен для российского капитализма, который далеко не использовал всех возможностей окружавшей его почвы. Но следовало ли отсюда, что пролетарская революция была преждевременна? С точки зрения фаталистической, социал-демократической—да. С точки зрения диалектической, большевистской—нет. Социал-демократы в свой баланс об'ективных исторических факторов не вводят революционного пролетариата как активную действующую силу, имеющую свой вес и могущую повлиять на исход событий. Для фаталистического социал-демократического мышления все предопределяется исключительно стихийным экономическим процессом [1]). Большевики же придают громадное значение подготовке пролетариата, как активной, боевой революционной силы. С точки зрения большевистской диа-

[1]) Это, между прочим, в классической форме сказалось на тактике русских меньшевиков и было настолько очевидно, что не могло не поразить даже обывателя. В своих «Воспоминаниях о 1917 г.» известный в то время член Исп. ком. сов. раб. и солд. деп., «тоже-социалист» В. В. Станкевич,—верховный комиссар Керенского в ставке—пишет: «...Дан—воплощенная догма меньшевизма, всегда принципиальный и потому никогда не сомневавшийся, не колебавшийся, не восторгавшийся, не ужасавшийся—ведь все идет по закону,—всегда с запасом бесконечного количества гладких, законченных фраз, которые одинаково легко и ровно укладывались и в устной речи, и в резолюциях, и в статьях, и в которых есть все, что угодно, кроме действия и воли. Все делает история—для человека нет места».

лектики вмешательство пролетариата, если оно подготовлено и возможно, всегда может оказать сильнейшее влияние на чашку исторических весов. Исход «болезни» российского капитализма не мог быть предопределен исключительно экономически-хозяйственными соображениями. Все зависело от поведения пролетариата и союзных ему слоев народа. При невмешательстве пролетариата российский капитализм мог бы выздороветь. При революционном вмешательстве пролетариата он бы погиб. Социал-демократы призывали не вмешиваться и тем самым помочь капитализму поправиться. Ленин и большевистская партия, наоборот, призывали пролетариат вмешаться, не дать поправиться капитализму, добить его и взять в свои руки процесс исторического развития. Пролетариат пошел за Лениным, и ему не пришлось пожалеть об этом.

Конечно, тем, что пролетариат «выбрал» один из двух путей, исторический детерминизм не опровергается. «Выбор» пролетариата определялся своими вполне об'ективными причинами, но мы не будем их разбирать. С точки зрения интересующего нас вопроса нам важно другое. Важно то, что Ленин свое заключение о социалистическом характере революции выводил прежде всего из анализа ее внутренних сил; что Ленина, как гениального мастера революционной диалектики, не остановили и не смутили те соображения, которые ввергали в трепет суеверных социал-демократических знахарей; что Ленин сумел понять основное своеобразие нашей страны, совмещавшей крайнюю отсталость экономики с высшим пределом капиталистического развития, достигшим

стадии умирания. В этом ключ к пониманию характера нашей революции.

Необходимо тут же отметить, что Ленин очень осторожно подходил к вопросу о развертывании социалистической революции. Ставя вполне решительно вопрос о переходе власти к советам, он в то же время неоднократно подчеркивал постепенность подхода к социалистическому строительству. «Не «введение» социализма—наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны совета рабочих депутатов за общественным производством и распределением продуктов»,—писал Ленин в известных тезисах 17 апреля 1917 г. Эту же мысль он подчеркивал неоднократно впоследствии в целом ряде выступлений и статей. Полемизируя с Каменевым, он специально отмечал, что видит опасность «перепрыгивания через не изжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение» и что в эту опасность он не впадет. Именно в связи с этой опасностью Ленин и счел нужным тут же резко отгородиться от лозунга Троцкого: «Без царя, а правительство рабочее».

Общеизвестно вообще, как гибок и извилист был путь большевиков в 1917 г. и дальше после взятия власти до начала периода «военного коммунизма», как постепенно разворачивалась нить событий, как осторожно переходил Ленин от одного этапа к другому. Переход к социализму Ленин не мыслил иначе, как вместе с теми слоями крестьянства, которые можно в этом заинтересовать и привлечь к союзу с пролетариатом.

Вполне понятно, что при этом Ленин отлично видел все особенности крестьянского движения,

все его колебания и антипролетарские тенденции. В период социалистической революции уже не могло быть речи о союзе пролетариата со в с е м крестьянством. Основная стратегическая формула Ленина говорила о союзе с полупролетарскими элементами, с б е д н е й ш и м крестьянством— единственным социальным слоем, могущим при капитализме активно поддержать пролетариат в его борьбе за власть. Конечно, эта основная стратегическая формула на деле не исключала возможности поддержки пролетариата со стороны более широких масс крестьянства. Благодаря неразрешенности аграрного вопроса, в период Октябрьского переворота за большевиков в борьбе с Временным правительством была основная масса крестьянства, а не только бедняки. И далее, на почве пролетарской власти была создана основа для прочного союза со всей середняцкой массой крестьянства [1]). Все эти отдельные этапы развития союза пролетариата с крестьянством следует иметь в виду для того, чтобы не упускать из виду д в у х с т о р о н, характеризующих отношение Ленина к этому вопросу. С одной стороны, Ленин никогда не обманывал себя какими-либо соображениями об имманентной революционности и социалистических симпатиях крестьянства. Здесь лежит разграничительная линия между большевизмом и эсерами. С другой стороны, Ленин всегда умел, ставя конкретно вопрос об определенном этапе революции, находить союзников в том

[1]) См. об этом ответ тов. Сталина тов. Ян—скому. См. также известную статью В. И. Ленина «О нашей революции», где Ленин пишет о сочетании крестьянской войны с пролетарской революцией (т. XVIII, ч. 2, «О нашей революции»).

или ином слое крестьянства. Здесь лежит разграничительная черта между большевизмом и меньшевизмом.

В отношении к основному разбираемому вопросу, следовательно, можно сформулировать следующий вывод. Свой призыв к социалистической революции Ленин обосновывал на вполне реальных экономических и политических предпосылках, определяемых прежде всего российскими условиями. Ленин ни на одну минуту не терял из виду внутренних сил русской революции, считал необходимым равнение на них, считал, с одной стороны, возможным итти вместе с ними к социализму и не допускал, с другой стороны, возможности подобного движения без них.

Само собой разумеется, что при этом Ленин не забывал также ни на одну минуту международной революции и той связи, которая существовала между ней и русской революцией. Это совершенно несомненно, и мы остановимся на этом ниже.

Пока же коснемся вопроса, который, естественно, возникает в связи со всем сказанным. А как же старый большевистский лозунг—«демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»? Как понимать отказ Ленина от повторения этого лозунга? Не означает ли этот отказ «идейного перевооружения» большевизма? [1]). Прежде всего, что понимать под термином «идейное перевооружение»? Несомненно, что эти два слова могут иметь какое бы то ни было значение лишь

---

[1]) См. Л. Д. Троцкий, «1905 г.»

в том случае, если они выражают мысль о смене принципиальных позиций, об отказе от старых лозунгов по причине их ошибочности. Но ведь не всякая смена политических лозунгов производится по этой причине. Лозунги меняются, потому что меняется ситуация, соотношение политических сил. Такая смена лозунгов является необходимым условием правильной политической линии. Но к такой смене лозунгов термин «идейное перевооружение» в его принципиальном смысле неприменим.

По отношению к различию между большевистской позицией 1905 и 1917 гг., следовательно, можно так поставить вопрос. Если термином «идейное перевооружение» хотят обозначить закономерную смену лозунгов, определяемую переменой политической ситуации, то верно, конечно, что большевики в 1917 г. «перевооружились». Но в данной постановке это утверждение теряет всякое значение, превращается в пошлое констатирование вполне очевидного факта. Если же, говоря об «идейном перевооружении», хотят сказать, что большевики отказались от старых лозунгов ввиду их ошибочности, то это глубоко неверно. Ставить так вопрос, т.-е. утверждать, что старый большевистский лозунг «демократической диктатуры» оказался непригодным, не был осуществлен и что большевики отказались от его осуществления, — можно только не понимая этого лозунга и всего ленинского учения о переходе буржуазной революции в социалистическую. Некоторые товарищи поняли большевистский лозунг 1905 г. как указание на новый социальный строй, который сменит царизм, как новый длительный исторический этап, отделяющий бур-

жуазную революцию от социалистической. Между тем «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»,— большевистское знамя 1905 г.— была не чем иным, как основной стратегической формулой революции, выражавшей расстановку классовых сил в борьбе. Кто против кого и как делает революцию,— вот что хотел сказать Ленин своей формулой.

> «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии» [1].

Такова расшифровка ленинской формулы, сделанная им самим. Вполне в духе этой расшифровки, сделанной в 1905 г., Ленин писал в 1917 г., что «демократическая диктатура» «предвидит лишь соотношение классов, а не конкретное политическое учреждение, реализующее это соотношение» [2].

Какие задачи стояли перед «демократической диктатурой»? Свергнуть самодержавие, произвести решительный демократический переворот и тем самым подготовить почву для социалистической революции. Эти задачи и были в основном выполнены в феврале—марте 1917 г. Самодержавие пало именно под ударами рабочих и крестьян, почва для борьбы за социализм была очищена. В лице советов революция создала и орган «демократической диктатуры»—«Совет рабочих и сол-

---

[1]) Н. Ленин, собр. соч., т. VI, стр. 371.
[2]) Н. Ленин, собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 29.

датских депутатов» — вот вам уже осуществленная жизнью «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» [1]). Конечно, осуществленная в жизни «демократическая диктатура» имела свои своеобразия, не предвиденные раньше. Главнейшим из них было то, что советы — органы диктатуры рабочих и крестьян — добровольно отдавали власть буржуазии. Достаточно значительным был также тот факт, что аграрная революция осталась еще незавершенной. Но это не могло изменить основного: задачи старой расстановки классовых сил в основном были исчерпаны, и стало возможным и необходимым перейти к новой расстановке сил.

Характер этой новой расстановки Ленин определил еще в 1905 г. Сразу же после цитированных нами слов о том, что пролетариат должен со всем крестьянством раздавить самодержавие, парализовав буржуазию (как и было в феврале-марте 1917 г.), Ленин писал:

> «Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массы полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии» [2]).

Тогда же, в 1905 г., в той же работе, которую мы цитируем — «Две тактики социал-демократии в демократической революции», Ленин вполне определенно указывал также, что переход к новой расстановке сил должен быть произведен немедленно после победы революции над царизмом.

---

[1]) Н. Ленин, собр. соч. т. XIV, ч. 1, стр. 29.
[2]) Н. Ленин, собр. соч. т. VI, стр. 371.

«Когда демократическая буржуазия или мелкая буржуазия поднимется еще на ступеньку, когда фактом будет не только революция, а полная победа революции, тогда мы «подменим» (может быть, при ужасных воплях новых будущих Мартыновых) лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата, т.-е. полного социалистического переворота» [1]).

Несомненно, что обстановка, создавшаяся после Февральской революции, в сильной степени способствовала ускорению перехода к социалистической революции. Выше мы говорили о тех новых по отношению к 1905 г. противоречиях, которые раздирали капиталистическую Россию. Эти противоречия являлись основными, они определяли характер предстоящей борьбы, придавая ей значение борьбы за диктатуру пролетариата. Оставшиеся неразрешенными задачи буржуазной революции не могли изменить характера этой борьбы, не могли послужить основанием урезывания ее размаха, затушевывания ее социальной сущности. Ленин допускал возможность дальнейшего развертывания буржуазной революции, но при всех условиях требовал начала прямой борьбы за диктатуру пролетариата. Было бы нелепо ждать самого полного, самого решительного завершения буржуазной революции и лишь потом переходить к социалистической. Диалектика исторического развития устроила дело так, что социалистическая революция в России завершила дело буржуазной, и только она могла это сделать.

---

[1]) Н. Ленин, собр. соч., т. VI, стр. 393.

Таким образом позиция большевиков в 1917 г. была естественным и закономерным развитием их позиции 1905 г.; развитием, обусловленным изменением экономической и политической ситуации, совершившимся в течение десятилетия, отделявшего первую русскую революцию от второй и третьей. Правильно понятая позиция «демократической диктатуры» говорила, что пролетариат ведет одновременно две социальные войны, и что перемещение центра тяжести от первой войны (против самодержавия) ко второй (против буржуазии) может произойти очень скоро, поскольку исчерпаны ее основные задачи. Правильная оценка ситуации 1917 г. говорила, что основные задачи первой социальной войны, — войны против самодержавия,— в общем выполнены, что во всяком случае центр тяжести политических противоречий передвинулся в сторону второй войны — войны против буржуазии, и что только эта вторая война может завершить окончательно и бесповоротно то, чего не доделала первая.

Но не все правильно понимали сущность позиции «демократической диктатуры» и не все правильно оценивали ситуацию 1917 г. Когда партия оформляла свою политику в марте—апреле 1917 г., линии Ленина была противопоставлена линия Каменева, к которой впоследствии присоединился и Зиновьев. Говоря о характере и движущих силах революции 1917 г., нельзя пройти мимо этой линии Каменева и Зиновьева [1]).

---

[1]) Нельзя не отметить, что в 1917 г. взгляды Каменева разделялись рядом ответственных товарищей в нашей партии. Но Каменев, несомненно, наиболее полно и ярко излагал эти взгляды.

III

С какими положениями Ленина был несогласен Каменев? Это можно передать кратко его собственными словами: «Что касается общей схемы Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции з а к о н ч е н н о й и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую» [1]). Это свое основное положение о незаконченности буржуазной революции в России и невозможности перехода в ближайшее время к социалистической революции Каменев развил подробным образом в статье «О тезисах Ленина» и в выступлениях на апрельской конференции. «Тезисы Ленина,— писал Каменев, — великолепная программа... для первых шагов созданной (социальной?) революции в Англии, в Германии, во Франции, но не для законченной демократической революции в России».

«...Обстановка незавершенной демократической революции в самой отсталой экономически стране Европы, в момент, когда деревня не ликвидировала еще даже крепостничества... эта обстановка и этот момент отнюдь не соответствуют «решительным шагам» к социализму» [2]).

Обосновывая свои положения, Каменев на конференции развил следующие взгляды. Пролетариат вступил через Советы в политический блок с мелкой буржуазией. Необходимость такого блока как будто не подвержена сомнениям. Но политика социалистической революции не может быть политикой этого блока. Поэтому нужно выбирать—

---

[1]) «Правда», 1917 г., № 27.
[2]) «О тезисах Ленина», «Правда», № 30.

«или перед пролетариатом стоят задачи, которые могут быть осуществлены только пролетариатом, и ни одна из общественных групп ему помочь не может,—и тогда мы разрываем блок и идем на осуществление тех идей, которые должны быть выполнены пролетариатом; или мы считаем, по условиям текущего момента, блок жизненным, имеющим будущее,—и тогда мы в этом блоке участвуем и строим нашу тактику так, чтобы этот блок не разорвать» [1]).

Вполне понятно, что Каменев предлагал сохранять блок с мелкой буржуазией и итти с ней дальше. «Мелкая буржуазия должна в конце концов вступить в острый конфликт с Временным правительством,—рассуждал он.—Но мы ускорить этот процесс не можем» [2]). Отсюда вполне естественно вытекал вывод, что надо итти с мелкобуржуазным блоком и ждать, пока последний придет в прямое столкновение с буржуазным Временным правительством. В этом и должно было выразиться завершение буржуазно-демократической революции, без которого Каменев не представлял себе возможности перехода к революции социалистической.

В чем заключалась неверность каменевской оценки характера и движущих сил революции 1917 г.?—Прежде всего в недиалектической постановке вопроса о законченности буржуазной революции. Ленин это отметил тогда же в «Письмах о тактике». «Вопрос о «законченности» буржуазно-демократической революции п о с т а в л е н н е-

[1]) «Протоколы апрельской конференции», стр. 53—54.
[2]) Там же, стр. 55.

в е р н о. Этому вопросу придана та абстрактная, простая, одноцветная, если можно так выразиться, постановка, которая не соответствует об'ективной действительности» [1]). Буржуазно-демократическая революция была и закончена и не закончена. Действительно, не все ее мероприятия были проведены в жизнь, но, как мы видели выше, ц е н т р т я ж е с т и социального конфликта передвинулся вперед. Этот конфликт мог быть разрешен только прямой борьбой пролетариата с буржуазией за социализм, и только эта борьба могла завершить дело буржуазной революции. О с н о в а революционного конфликта, его истинное значение были неправильно оценены Каменевым.

С этим в позиции Каменева связано неправильное отношение к мелкой буржуазии. Постановка вопроса о роли мелкой буржуазии у Каменева какая-то сплошная, безапелляционная. Каменев слишком категорически высказал уверенность в том, что столкновение между мелкой буржуазией и Временным правительством неизбежно. Это категорическое утверждение имело громадное отрицательное значение, так как с ним был связан вывод, что надо равняться на мелкую буржуазию,—вывод несомненно неверный и в условиях обстановки явно оппортунистический. Ленин писал об этом:

> «Кто руководится в своей деятельности только простой формулой «буржуазно-демократическая революция не закончена», тот тем самым берет на себя нечто вроде гарантий за то, что мелкая буржуазия наверное способна на независимость от буржуазии. Т о т т е м

[1]) Н. Л е н и н, собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 33.

самым сдается в данный момент беспомощно на милость мелкой буржуазии»[1]) (Курсив наш).

Последние слова как нельзя более точно передают об'ективное значение каменевской концепции. Ярким подтверждением этого служит октябрьское письмо «К текущему моменту», которое вместе с Каменевым подписал и Зиновьев. В этом письме призыв к равнению на мелкую буржуазию доминирует над всем и мотивируется уже не тем, что мелкая буржуазия вот-вот восстанет против Временного правительства, а, наоборот, тем, что она «ближе к буржуазии, чем к нам», и что пролетариат останется совершенно изолированным, если он свергнет Временное правительство. Вот что писали Каменев и Зиновьев:

«Мы не забывали, не должны забывать и теперь, что между нами и буржуазией стоит громадный третий лагерь: мелкая буржуазия. Этот лагерь присоединился к нам в дни корниловщины и дал нам победу. Он будет присоединяться к нам еще не раз. Нельзя позволять гипнотизировать себя тем, что есть в данный момент. Несомненно, сейчас лагерь этот стоит гораздо ближе к буржуазии, чем к нам (Курсив наш)... В России за нас большинство рабочих и значительная часть солдат. Но все остальное—под вопросом. Мы все уверены, например, что если дело теперь дойдет до выборов в Учредительное собрание, то крестьяне будут голосовать в боль-

[1]) Н. Ленин, собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 35.

шинстве за эсеров. Что же, это—случайность? Солдатская масса поддерживает нас не за лозунг войны, а за лозунг мира. Это—крайне важное обстоятельство, не учтя которого, мы рискуем все наши расчеты построить на песке. Если мы, взявши власть сейчас одни, придем (в силу всего мирового положения) к необходимости вести революционную войну,—солдатская масса отхлынет от нас. С нами останется, конечно, лучшая часть солдатской молодежи, но солдатская масса уйдет» [1]).

Указание на политическую изолированность большевистского пролетариата, призыв к равнению на мелкую буржуазию в этой выдержке несомненны. Были ли правильны эти указание и призыв? Разумеется, нет. Нам нет необходимости для доказательства этого повторять ленинскую постановку вопроса, изложенную выше. По отношению к обстановке, создавшейся в Октябре, следует, однако, отметить некоторые характерные моменты. Говоря о мелкой буржуазии или о мелкобуржуазной демократии, Каменев и Зиновьев имели в виду, главным образом, партии эсеров и меньшевиков, отождествляя их линию с политическими настроениями широких масс мелкой буржуазии. Между тем, это был исторический момент, когда интересы широких масс мелкой буржуазии, т.-е. главным образом крестьянства, круто разошлись с политикой мелкобуржуазных партий. Создалась историческая возможность вырвать массы из-под влияния этих партий, и эта возможность была осуществлена. Суть октябрьской ситуации

[1]) «Протоколы Центрального комитета РСДРП (б)», «Пролетарская революция», № 10 (69), стр. 267.

заключалась в том, что в сторону большевиков повернулись не только рабочие, но и самые широкие солдатские и крестьянские массы. Этого массового поворота Каменев и Зиновьев не учли.

Подсчитывая силы революции и контр-революции, они ударились в технический подсчет оружия, юнкерских и казачьих частей и т. п., приходя к пессимистическим выводам в этом отношении.

Ленин впоследствии специально отмечал этот факт. Вот, например, что он писал в статье «О революционной фразе» в феврале 1918 г.:

> «В Октябре было дело так, что мы точно учли именно массовые силы. Мы не только думали, мы твердо знали на основании опыта массовых выборов в советы, что рабочие и солдаты в сентябре и начале октября в громадном большинстве уже перешли на нашу сторону. Мы знали, хотя бы из голосований на демократическом совещании, что и в крестьянстве коалиция провалена,— значит, наше дело уже выиграло».

Не трудно видеть, насколько это утверждение Ленина противоположно утверждению авторов «предостерегающего» воззвания. Несколькими строками ниже Ленин прямо указывал, что ошибкой «оппортунистов Октября» было то, «что они факты оценили неверно, брали мелочи, не видя главного: поворота советов от соглашательства к нам» [1]).

Неправильная постановка вопроса об основном характере революции и роли в ней пролетариата

---

[1]) Н. Ленин, собр. соч., т. XV, стр. 97.

и мелкой буржуазии, неправильный учет сил революции и контр-революции привели Каменева и Зиновьева к всестороннему и глубокому пессимизму насчет шансов пролетариата на победу.

С мыслью, что крестьянство и солдатские массы в критический момент будут не с пролетариатом, мы уже знакомы. Вот более подробное описание тех трудностей, с которыми пролетариат столкнулся бы после переворота, даваемое Каменевым и Зиновьевым.

> «Несомненно, пролетарское правительство немедленно перешло бы к тому, что возложило бы экономические тяготы войны на буржуазию,—оставило бы буржуазии «только корки хлеба» и «сняло бы с нее сапоги». Это должно поднять энтузиазм в массе. Но это еще не дает гарантии победы над германским империализмом в революционной войне. Нынешняя Россия, позволившая, вопреки рабочему классу, истощать себя империалистической войной, все-таки осталась бы страной сравнительно отсталой техники с подорванной системой железных дорог, без товаров, без необходимого военно-технического оборудования и т. п. Взявши власть, рабочая партия несомненно нанесет тем удар Вильгельму. Ему труднее вести войну против революционной России, предлагающей немедленный демократический мир. Это так. Но настолько ли силен будет в данных обстоятельствах, после Риги и т. д., этот удар, чтобы отвести от России руку германского империализма? Если сепаратные переговоры между германским и английским империализмом начались,—а это почти не-

сомненно,—то не поведут ли они их дальше и после нашей победы, не удастся ли Вильгельму и тогда притти в Питер? Где же те данные, которые говорят за то, что пролетарская партия одна—при противодействии мелкобуржуазной демократии — должна взять теперь на себя, и только на себя, ответственность за подобное положение вещей и за его неизбежные последствия?» [1]).

Итак, мысль Каменева и Зиновьева заключается в том, что пролетариат не в состоянии будет отстоять свою власть против натиска империалистов. Техническая и хозяйственная отсталость обусловливают слабость будущей пролетарской власти. При противодействии мелкобуржуазной демократии, неизбежность которого доказана выше, шансы на победу, «гарантии победы» исключены вовсе. А поэтому, говоря словами Плеханова, «не надо браться за оружие», не надо брать на себя исключительной ответственности за исключительно тяжелые «последствия» революции, в которой пролетариат подставит себя под удары «всей сплотившейся контр-революции, поддержанной мелкобуржуазной демократией».

В какой мере эта концепция отличается от концепции Ленина,—говорить нечего. Два пункта особенно выдаются в этой позиции Каменева—Зиновьева. Во-первых, боязнь, что техническая и экономическая слабость России не дадут пролетариату возможности отстоять свою власть против натиска империалистов (не то что строить социализм). Во-вторых, боязнь «исключительной

[1]) «Протоколы Центрального комитета РСДРП (б)», «Пролетарская революция», № 10 (69), стр. 268.

ответственности» за «последствия» революции. В обоих пунктах Каменев и Зиновьев целиком повторяли меньшевистские аргументы.

Несомненно, что и вся позиция Каменева и Зиновьева в целом была ближе к меньшевистской позиции, чем к позиции большевистской, ленинской. Для Каменева и Зиновьева совершенно осталась чужда ленинская постановка вопроса об экономических предпосылках социалистической революции в России — момент, где Ленин наиболее резко бьет по социал-демократической традиции. Каменев и Зиновьев, как показывает весь приведенный материал, явно оставались в плену у этой традиции. В вопросе о «законченности» буржуазной революции—то же самое. Наконец, то же самое в вопросе о взаимоотношениях русской и международной революции. Вот выдержки, вполне определенно свидетельствующие об этом:

«И тут мы подходим ко второму утверждению, что международный пролетариат будто бы уже сейчас в своем большинстве за нас. Это, к сожалению, еще не так. Восстание в германском флоте имеет громадное симптоматическое значение. Предвестники серьезного движения существуют в Италии. Но отсюда до сколько-нибудь активной поддержки пролетарской революции в России, об'являющей войну всему буржуазному миру, еще очень далеко. Пересценивать силы крайне вредно. Нам, несомненно, много дано и с нас много спросится. Но если мы сейчас, поставивши всю игру на карту, потерпим поражение,—мы нанесем жестокий удар и международной пролетарской революции, нарастающей крайне

медленно, но все же нарастающей. А, между тем, рост революции в Европе сделал бы для нас обязательным без всяких колебаний немедленно взять власть в свои руки. В этом же и заключается единственная гарантия победоносности восстания пролетариата в России. Это придет, но этого сейчас еще нет»[1]).

Таким образом, только международная революция, как уже осуществившийся факт, могла бы, по мнению авторов «К текущему моменту», сделать возможным и необходимым взятие власти российским пролетариатом, послужить «единственной гарантией» его победы. Мы обращаем особое внимание читателя на эту мысль. Все оттенки ее значения мы разберем ниже в другой связи. Пока отметим только, что постановка вопроса: пусть Запад начнет, тогда и мы решимся,—была выдвинута меньшевиками еще в 1905 г. Именно эту постановку вопроса повторяли Каменев и Зиновьев в 1917 г.

Один вопрос, тесно связанный с общей концепцией Каменева и Зиновьева, требует специального рассмотрения — это вопрос о советах. В письме «К текущему моменту» он затронут в связи с вопросом об Учредительном собрании. После рассуждения о том, что буржуазия не сможет созвать Учредительного собрания, что «шансы нашей пар-

[1]) Протоколы Центрального комитета РСДРП (б), «Пролетарская революция», № 10 (69), стр. 268. Курсив наш.

тии на выборах в Учредительное собрание превосходны», что надо поэтому ориентироваться на Учредительное собрание и не захватывать власти,— высказывается следующая мысль.

> «Учредительное собрание само по себе не может, конечно, изменить реального соотношения общественных сил, но оно уничтожит нынешнее маскирование этого соотношения. Советы, внедрившиеся в жизнь, не смогут быть уничтожены. Уже теперь в ряде мест советы фактически осуществляют власть. Только на советы сможет опереться в своей революционной работе и Учредительное собрание.
>
> Учредительное собрание и советы—вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем. На этой базе политика нашей партии приобретает громадные шансы на действительную победу».

Основное, на что следует обратить здесь внимание, это мысль о сожительстве Учредительного собрания с советами, — мысль о «комбинированном типе» государства, защищаемая впоследствии Гильфердингом. В свое время Троцкий в «Уроках Октября» остановился на этом и сравнил положение Каменева и Зиновьева с положением Р. Гильфердинга, тоже высказавшегося за «комбинированный тип», борясь против идеи захвата власти пролетариатом. Каменев и Зиновьев решительно протестовали против сравнения их точки зрения с гильфердинговской. Каменев писал:

> «Мы писали о «комбинированном типе Учредительного собрания и советов», а через полтора года Гильфердинг повторяет это,—и вот

тов. Троцкий пользуется случаем сказать, что эти, мол, люди похожи на Гильфердинга и «так же борются против захвата власти пролетариатом». Но прием, употребленный здесь автором, прямо позорен. Мое и Зиновьева письмо было написано 11 октября; я беру статью Ленина, написанную 6 октября, т.-е. за 5 дней до нашего письма. Вот что пишет Ленин: «Возможны при переходе от старого к новому временные «комбинированные типы» (как справедливо указал «Рабочий путь» на днях), например, и республика советов, и Учредительное собрание» (собр. соч. Ленина, т. XIV, стр. 167).

Что же выходит? Выходит, что в данном случае и Ленин был похож на этого Гильфердинга, или нас надо развести с Гильфердингом, или Ленина повенчать с Гильфердингом. Но Ленина повенчать на Гильфердинге—это не выйдет, а вот Каменева с Зиновьевым повенчать на Гильфердинге—авось, найдутся дурачки, которые этому поверят» («За ленинизм», сборник статей, стр. 83).

Несмотря на всю решительность возражения Каменева против обвинения его в гильфердинговском уклоне, следует признать, что он в этом вопросе не прав. Неудачны и попытки Каменева свои ошибки оправдать... Лениным. Ссылаться на Ленина в защиту идеи «комбинированного типа» государства, высказанной в «К текущему моменту», во всяком случае неловко. Это становится совершенно очевидным, если процитировать Ленина немного полнее, чем это сделал Каменев. В статье Ленина «К пересмотру пар-

тийной программы» мы читаем следующие мысли, теснейшим образом связанные с защитой необходимости оставления программы-минимум:

> «Возьмите программу-минимум в политической области. Она, эта программа, рассчитана на буржуазную республику. Мы добавляем, что не ограничиваем себя ее рамками, а боремся тотчас же за более высокого типа республику советов. Это мы должны сделать. К новой республике мы должны итти с беззаветной смелостью и решительностью, и мы пойдем к ней, я уверен, именно так. Но программы-минимум выкидывать никак нельзя, ибо, во-первых, республики советов еще нет; во-вторых, не исключена возможность «попыток реставрации»: их надо сначала пережить и победить; в-третьих, возможны при переходе от старого к новому временные «комбинированные типы» (как справедливо указал «Рабочий путь» на днях), например, и республика советов, и Учредительное собрание. Изживем сначала все это, а потом успеем выкинуть программу-минимум» [1]).

Не трудно убедиться, что разница между ленинской и каменевской постановкой вопроса поразительна, колоссальна. Из чего исходит Ленин, где основа его рассуждения? Эта основа в том, что мы «боремся тотчас же (курсив наш) за более высокого типа республику советов», что «к новой республике мы должны итти с беззаветной смелостью и решительностью, и мы

---

[1]) Н. Ленин, собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 167—168.

пойдем к ней, я уверен, именно так». Точные, бьющие слова. Возможность компромисса характеризуется дальше, как изгибы пути к основной определенной цели, как временный тактический прием, главное назначение которого опять-таки в том, чтобы лучше обеспечить достижение главной цели, т. е. власти советов. Так ли ставили вопрос Каменев и Зиновьев? Безусловно, не так. В их письме «комбинированный тип» выдвигается не как возможный временный тактический прием, а как устойчивая государственная форма, в рамках которой «политика нашей партии приобретает огромные шансы на действительную победу». Иначе говоря, «комбинированный тип» государства выдвигался Каменевым и Зиновьевым взамен власти советов, противопоставлялся ей как нечто лучшее, более жизненное. И все это делалось, конечно, из соображений необходимости сохранения блока с мелкой буржуазией.

Таким образом в октябрьской позиции Каменева и Зиновьева совершенно явно выражено, помимо всего прочего, непонимание подлинной сущности советов, как органа диктатуры пролетариата. Мы не можем останавливаться на этом вопросе особенно подробно. Напомним, что Лениным советы с самого своего возникновения оценивались, как органы борьбы за власть. Особенно ярко ленинские взгляды выражены в резолюции II конгресса Коминтерна о том, «когда и при каких условиях можно создавать советы рабочих депутатов».

Основная мысль этой резолюции состоит в том, что «советы без революции невозможны. Советы без пролетарской революции неизбежно превра-

щаются в пародию на советы»[1]). Эта мысль доказывается в резолюции опытом русской, германской и австрийской революций—тем фактом, что советы были сильны лишь в моменты под'ема революции в той мере, в какой у них были шансы на завоевание власти. При укреплении власти буржуазии советы теряли свое значение и сходили на-нет. Поэтому резолюция категорически подчеркивает, что организация советов возможна только в период непосредственной борьбы пролетариата за власть, «когда в рядах значительных слоев рабочих и прежде всего в рядах коммунистической партии созрела серьезная решимость начать решительную систематическую и планомерную борьбу за власть». Попытки организации советов без задания непосредственной борьбы за власть—«только вредят действительной подготовке советской революции». Они «способны только скомпрометировать идею советской власти в глазах широких кругов народа».

Резолюция конгресса Коминтерна особо останавливается на попытках примирения идеи советов с буржуазной конституцией.

«7. Попытка социал-предателей в Германии обкарнать советы, извратить их характер и затем ввести их в общую буржуазно-демократическую конституционную систему об'-ективно является предательством рабочего дела и обманом рабочих. Ибо действительные советы возможны только как форма государственной организации, идущей на смену буржуазной демократии, ломающей

[1]) См. «Протоколы II конгресса Коминтерна», стр. 583.

буржуазную демократию, заменяющей ее рабочей диктатурой.

8. Пропаганда правых вождей независимых (Гильфердинг, Каутский и др.), направленная к тому, чтобы доказать совместимость «системы советов» с буржуазным учредительным собранием, есть либо полное непонимание законов развития пролетарской революции, либо сознательный обман рабочего класса. Советы—это диктатура пролетариата. Учредительное собрание—это диктатура буржуазии. Соединить и примирить диктатуру рабочих с диктатурой буржуазии невозможно» («II конгресс Коммунистического Интернационала». Стенографический отчет, стр. 582—583).

Осуждение, направленное против международных социал-предателей, целиком и полностью может быть отнесено и к октябрьской позиции Каменева и Зиновьева в этом вопросе.

IV

Если отличие точки зрения Каменева и Зиновьева на характер русской революции от точки зрения Ленина можно считать более или менее общеизвестным, не оспариваемым никем, то иначе обстоит дело с точкой зрения Троцкого. Существует, по крайней мере, мнение, что былые разногласия между Лениным и Троцким были изжиты и что в 1917 г. они сошлись на вполне тождественной платформе. Так, например, примечание 28 к 1 части III тома сочинений Л. Д. Троцкого начинается следующими словами: «Статьи

Л. Д. Троцкого, написанные в Америке, почти целиком предвосхитили политическую тактику революционной социал-демократии. Основные выводы этих статей почти до деталей совпадают с теми политическими перспективами, которые были развиты Лениным в знаменитых «Письмах издалека» [1]). Приведенное утверждение имеет серьезный и ответственный характер. Оно выражает мысль самого Троцкого,— старую его мысль, повторенную в самой отчетливой форме на VII пленуме ИККИ, где Троцкий специально подчеркивал, что его прошлые политические ошибки не помешали ему самостоятельно притти к такому же пониманию характера русской революции, какое развивал Ленин.

> «Если «перманентная революция» была неправильна, поскольку отличалась от действительных взглядов Ленина, в ней было, тем не менее, нечто верное, что дало мне возможность притти к большевизму. «Перманентная революция», в частности, не помешала мне после опыта борьбы с большевизмом,— в чем, как сказано, я был не прав,— в 1917 г. в Америке наметить в самом основном принципиально ту же линию, которую Ленин развернул перед партией и провел в жизнь» [2])—вот подлинные слова Троцкого.

Но эти слова далеко не точно передают то, что было в действительности. Сам Троцкий раньше несколько иначе излагал те же самые факты. Всем, по крайней мере, наверное, памятны его при-

---

[1]) Л. Троцкий, собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 370.
[2]) Цитируем по стенограмме, отпечатанной в «Правде».

мечание к «1905 г.», говорящее об «идейном перевооружении» большевизма, и письмо к тов. Ольминскому, в котором он признавал себя и поныне стоящим на точке зрения «перманентной революции». Это признание не совсем вяжется с теперешними словами Троцкого. А между тем оба последних документа относятся к нашей эпохе, к 1921—1922 гг. Больше того,—«Новый курс», написанный в 1923 г., и «Уроки Октября», относящиеся к 1924 г., продолжают развивать ту же концепцию. В особенности последняя работа, которая вся построена на противопоставлении троцкизма большевистской партии. Причем большевистская партия и ее позиция в революции даны в искаженном виде, как сплошной правый уклон, а позиция Ленина принята и одобрена, как отказ от старых большевистских позиций. Иначе говоря, и в 1924 г. Троцкий продолжал развивать свою теорию «идейного перевооружения» большевизма. От этого, конечно, далеко до признания своих ошибок. Можно сделать предположение, что Троцкий в самые последние годы (после 1924 г.) пересмотрел свои взгляды и пришел к выводу об их ошибочности, сохранив лишь уверенность, что он в 1917 г. отделался от своих ошибок («Они не помешали ему...»—см. выше).

Так, повидимому, склонны были думать Каменев и Зиновьев, приписывая, между прочим, себе заслугу «обращения» Троцкого (см. их постановку вопроса о том, кто к кому пришел). Но такое предположение было бы очень легкомысленным и совершенно безнадежным в смысле шансов на справедливость. Заявления Троцкого о его неправоте в борьбе с Лениным имеют формальный, поверхностный характер. Они не указывают точно, в чем

именно видит Троцкий свою неправоту. Цитированное нами примечание предусмотрительно оговаривается — «почти целиком предвосхитили», «почти до деталей совпадают». Но это «почти» не расшифровывается, и читатель так и не узнает, почему вставлено «почти», в чем статьи Троцкого не предвосхитили позиции Ленина, в чем его мысли не совпадают с ленинскими. Точно так же и сам Троцкий, говоря о «верном и неверном» в теории перманентной революции (на XV партконференции), не указывает, что именно неверного в ней было и от чего именно он отказывался.

Все это требует внимательного рассмотрения. Теория «перманентной революции», действительно, не помешала Троцкому «притти» к большевизму. Но в какой мере точка зрения Троцкого совпала с большевистской, в какой мере его линия была «в самом основном, принципиальном та же», что и у Ленина,—это еще не ясно. Несомненно, что на вопросы: брать ли власть, перешагнуть ли через буржуазно-демократические рамки революции?— Троцкий давал такие же ответы, как и Ленин, если брать формой ответа короткое «да» или «нет». Но, как мы отмечали выше, главное заключалось в том, к а к обосновывался социалистический характер русской революции, к а к и м о б р а з о м предполагалось перешагнуть через ее буржуазно-демократические рамки. В этом «к а к», «к а к и м о б р а з о м» теоретическая концепция Троцкого далеко не совпадала с ленинской.

Для полноты и ясности вопроса мы должны напомнить читателю характерные особенности ленинского анализа движущих сил революции. Строго ориентируясь на внутренние силы революции, Ленин искал во всяком историческом этапе

центр тяжести классовых противоречий и отсюда выводил ту или иную основную стратегическую формулу революции. В этом отношении чрезвычайно характерен самый способ, методология подхода к оценке того или другого политического момента у В. И. Ленина.

> «Марксист,—писал Ленин еще в 1906 г.,—ни в каком случае не должен забывать, что лозунг непосредственно предстоящей борьбы не может быть выведен просто и прямо из общего лозунга известной программы. Недостаточно сослаться на нашу программу, чтобы определить лозунг непосредственно—теперь—предстоящей, летом или осенью 1906 г., борьбы. Для этого надо учесть конкретную историческую ситуацию, проследить все развитие и весь последовательный ход революции, вывести наши задачи не из принципов программы только, а из предыдущих шагов и этапов движения. Только такой анализ будет действительно историческим анализом, обязательным для диалектического материалиста» [1]).

В период 1905—1916 гг. Ленин считал основным противоречие между крестьянством и помещиками с их крепостническим государством. Поэтому Ленин характеризовал революцию как «крестьянскую буржуазную» и как главную ее задачу наметил решительный демократический переворот, создающий возможность прямой борьбы за социализм. После Февральской революции, благо-

---

[1]) См. «Роспуск Думы и задачи пролетариата». Н. Ленин, собр. соч., т. VII, ч. 2, стр. 11.

даря неполному, но все же решительному разрешению старых социальных противоречий, и благодаря новой обстановке, созданной войной, центр тяжести передвинулся к противоречиям между пролетариатом и буржуазией, к борьбе против империалистической войны и ее последствий. Отсюда новая расстановка сил, выдвижение диктатуры пролетариата как главной задачи борьбы. Такова общая схема ленинской линии. К ней необходимо добавить, что и в первом большом историческом этапе, — этапе «крестьянской буржуазной» революции, — с точки зрения Ленина пролетариат должен был играть важнейшую, решающую роль вождя революции, но роль вождя революции буржуазно-демократической. С другой стороны, во втором большом историческом этапе крестьянство должно было быть важнейшим участником революции (разные слои—по-разному), но уже революции социалистической. По вполне понятным причинам мы не развиваем всего этого, а только напоминаем. Напоминаем для того, чтобы показать, что подход Троцкого к оценке характера и движущих сил русской революции абсолютно не совпадал с ленинским и был даже прямо противоположен ему.

Троцкий никогда не ориентировался серьезно на внутренние силы революции, никогда не признавал ее крестьянско-буржуазного характера, никогда не улавливал всего своеобразия перехода от одного этапа к другому (от буржуазного к социалистическому), никогда не понимал, на чем основывается участие того или иного крестьянского слоя в революции. Выше мы останавливались на характеристике подхода Ленина к оценке политического момента. Сейчас нельзя не отметить

некоторых особенностей подхода Троцкого. Его анализ носит скорей характер «публицистики», чем серьезной политической мысли. Он часто совершал именно ту ошибку в отношении учета конкретной обстановки, от которой предостерегал Ленин.

В этом отношении чрезвычайно характерна полемика Троцкого с сотрудниками полукадетской газеты «Наша жизнь» в 1905 г.

> «Г. Троцкий... повидимому, вовсе не считает возможным определенно формулировать ближайшие задачи русской социал-демократии; он замечает только: «Между минимальной и максимальной программой устанавливается революционная непрерывность»... Немцы называют это uferlos—безбрежно» [1]).
>
> «Программа ближайших задач революции,—отвечал на это Троцкий,—формулирована в минимальной программе нашей партии. Милиция, самодержавие народа и восьмичасовой рабочий день, как гарантия народного суверенитета и публичных прав,—вот требования, которые «Начало» и «Русская газета», наравне со всей партией, несли в рабочие массы. Вокруг этих требований советы рабочих депутатов развили грандиозную агитацию» [2]).

Таким образом Троцкий не отвечал по существу на поставленный вопрос, обнаруживая слабость своей тактической линии. Но эта слабость вытекает из особенностей всей троцкистской оценки характера и движущих сил революции. С этой оценкой нам нужно сейчас познакомиться.

---

[1]) «Наша жизнь», 1905 г., № 346.

[2]) Н. Троцкий, «Наша революция», стр. XVI—XVII.

Известно, что с 1905 г. Троцкий с большой настойчивостью начал доказывать, что в России нет буржуазной демократии, ставя крестьянство в один лагерь с буржуазией и помещиками. Крупная буржуазия—контр-революционна, городская мелкая буржуазия—слаба, почти не существует, крестьянство—темная масса, не могущая играть самостоятельной роли,—так рассуждал Троцкий. Вот что писал он, например, в предисловии к своей книге «Наша революция»:

> «Нас обвиняли в умысле изолировать пролетариат от демократии. От какой демократии?—спрашиваем мы в сто первый раз. Укажите нам ее. Назовите нам ее. Скажите нам, что собственно нужно делать, чтобы привлечь ее к себе? Имеется ли в виду крестьянство? Или оппозиционные землевладельцы? Городское мещанство? Или либеральный капитал? Что именно из этого перечня? Или все это, вместе взятое?» [1]).

Постановка вопроса здесь совершенно ясна. Автор несомненно отрицает наличие революционной буржуазной демократии в России и ставит крестьянство в один ряд с либеральными помещиками и капиталистами. Приведенная выдержка является далеко не единственной, могущей характеризовать троцкистскую оценку роли крестьянства как движущей силы русской революции. Но за недостатком места мы ограничиваемся ею [2]). То, что Троцкий не оценивал русскую революцию

---

[1]) «Наша революция», стр. XVIII.

[2]) См. об этом в особенности брошюру Троцкого «Итоги и перспективы».

как крестьянскую буржуазную революцию, что он не соглашался с такой оценкой и боролся против нее,—широко известно и не нуждается в доказательствах. Если Троцкий и принимал слово «буржуазная» для характеристики русской революции, то лишь условно и формально. Нужно далее отметить, что эта «буржуазная» революция воспринималась Троцким как исключительно городская революция. И так как городская буржуазия действительно не могла играть роли подлинно революционной силы, то пролетариат оставался единственным классом, способным сделать революцию против царизма, а это обстоятельство делало революцию уже не буржуазной, а социалистической.

> «Главную массу населения городов России,—писал Троцкий,—составляет в настоящее время индустриальный пролетариат. Уже одна эта аналогия подсказывает мысль о возможности такой исторической ситуации, когда победа «буржуазной» революции оказывается возможной только через завоевание революцинной власти пролетариатом» [1]).

С этой вполне ясной выдержкой, безусловно говорящей о предельной условности, с которой Троцкий признавал буржуазный характер революции 1905 г., необходимо связать для исчерпывающей полноты еще пару его замечаний.

> «Из событий 1848—49 гг. Лассаль извлек тот непоколебимый урок, что никакая борьба

---

[1]) Л. Троцкий, 1905 г. «Пролетариат и русская революция», стр. 263.

в Европе не может быть успешна, если только с самого начала она не будет провозглашена чисто социалистической». «Победа возможна лишь на том пути, который в 1849 г. формулировал Лассаль» [1].

Значит ли все это, что Троцкий видел серьезные шансы на победу социалистической революции в России, на победу пролетариата, стоящего одиноко не только против помещиков и буржуазии, но и против всего крестьянства? Ни в коем случае. Троцкий много раз указывал, что пролетариат столкнется с сильнейшим контр-революционным движением всех остальных слоев населения и не устоит в этой борьбе, если не получит государственной поддержки от победоносной западно-европейской революции. В этой помощи — единственное спасение русской революции, которая, будучи предоставлена своим собственным силам, неизбежно должна погибнуть. Мы не приводим соответствующих выдержек, иллюстрирующих эти положения, так как они и без того широко известны.

Итак, ход рассуждений Троцкого представляется таким:

Ни один слой буржуазной демократии (в том числе и крестьянство) не способен быть активной движущей силой революции. Только пролетариат, один пролетариат может сделать русскую революцию, которая тем самым станет социалистической. Но социалистическая революция в России обречена на гибель, если не будет поддержана победоносной пролетарской революцией в Западной Европе.

---

[1]) Л. Троцкий, «Движущие силы русской революции», 1905 г., стр. 61.

Основная определяющая ошибка в этом ходе рассуждений несомненно заключается в неправильном понимании действительного характера и значения крестьянского движения. Понятия «недооценка» или «переоценка» не могут дать полного представления об истинном характере этой ошибки. Сравнивая позицию Ленина с позицией Троцкого в отношении к крестьянству, мы видим два совершенно различных подхода, можно сказать, два различных политических мировоззрения.

Ошибка Троцкого тем глубже и значительнее, что не только русская, но и все классические западно-европейские буржуазные революции не были чисто городскими революциями. Крестьянство и в Западной Европе играло роль решающей силы, обеспечивавшей победу восставшего народа. Об этом Энгельс писал следующее:

> «Интересно отметить, что во всех трех буржуазных революциях крестьянство поставляло главную армию борцов, но оно же было как раз тем классом, который больше всего разорялся от экономических последствий одержанной им победы. Через сто лет после Кромвеля английские yeomanry почти совершенно исчезли. Но во всяком случае, только благодаря вмешательству этих yeomanry и плебейских элементов городов, борьба была доведена до решительного конца, и Карл I был взведен на эшафот» [1]).

Здесь Энгельс упоминает английское крестьянство. О решающем значении крестьянства в Великой французской революции XVIII века почти не

---

[1]) Фр. Энгельс, «Об историческом материализме».

приходится говорить—настолько это очевидно. Эти две великие революции — английская и французская — дали миру классический образец соотношения движущих сил буржуазной революции. В обеих революциях основной решающей массовой силой было крестьянство, основной руководящей силой, гегемоном — буржуазия (во Франции — частично мелкая буржуазия). Последующая история сделала буржуазию контр-революционной, но не изменила положения крестьянства как основной решающей силы буржуазной революции. Немецкая революция 1848 г. не развернулась широко и глубоко не потому, что нельзя было повести в бой крестьянство, а потому, что буржуазия изменила революции, а пролетариат был еще слишком слаб, чтобы взять на себя руководство ею. И если русская буржуазия, еще больше, чем немецкая, не могла и не хотела быть вождем революции, то зато русский пролетариат вполне созрел для этой роли. Гегемония пролетариата в крестьянской буржуазной революции в России была подготовлена давно наметившимися тенденциями исторического развития. Ленин правильно понял эти тенденции и правильно обосновал свое понимание гегемонии пролетариата. Троцкий не понял ни того, ни другого. Именно в этом суть «недооценки» крестьянства со стороны Троцкого [1]).

Даже когда Троцкий приближался к большевистской постановке вопроса, когда он говорил о возможности использования крестьянства в революции и о «революционной гегемонии пролетариата» и т. п., он, как нельзя более, был далек от действительного большевизма. Вот чрезвычайно

---

[1]) См.—Сталин, «Основы ленинизма». Введение.

характерная выдержка, с полной очевидностью подтверждающая это:

> «Русская буржуазия сдает пролетариату все революционные позиции. Ей придется сдать и революционную гегемонию над крестьянством. При той ситуации, которая создается переходом власти к пролетариату, крестьянству останется лишь присоединение к режиму рабочей демократии. Пусть даже оно сделает это не с большой сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму» [1]).

Истинный смысл троцкистского понимания «революционной гегемонии пролетариата» вырисовывается здесь с полной определенностью. Это не гегемония в борьбе, это не руководство союзным классом, а господство над крестьянством, — господство, устанавливающееся после самостоятельного захвата власти пролетариатом, господство, основанное на несознательном подчинении крестьянства. Расхождение с ленинской постановкой вопроса здесь громадное.

Мы останавливались на троцкистской оценке характера движущих сил революции 1905 г. с большой подробностью. Это совершенно необходимо. В 1917 г. Троцкий подходил к оценке характера революции точно так же, как и в 1905 г., т.-е. с точки зрения своей теории перманентной революции [2]). Нужно было поэтому осветить основные моменты

---

[1]) Н. Троцкий. «Наша революция», стр. 253.

[2]) Недаром в немногочисленных статьях, посвященных оценке «внутренних сил русской революции», Троцкий повторяет свой старый лозунг: «Революционное рабочее правительство». Л. Д. Троцкий, собр. соч., т. III, ч. 1, 1917, стр. 13—17 и дальше.

этой теории в том виде, как она впервые сложилась у ее автора.

Никаких серьезных изменений к 1917 г. принципиальная концепция Троцкого не претерпела. Это видно особенно ярко из статьи «Борьба за власть», написанной в 1915 г. и помещенной в известной книге «1905» в качестве приложения. Эта статья повторяет в более резкой и категоричной форме уже знакомые нам положения. Троцкий прямо ссылается здесь на них.

> «Мы дали ответ на этот вопрос,—пишет он в связи с вопросом о буржуазной демократии:—«национальная буржуазная революция в России невозможна за отсутствием подлинно революционной буржуазной демократии». Мы живем в эпоху империализма: это не только система колониальных захватов, но и определенный внутренний режим. Он противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат—буржуазной нации [1]).

Обосновывая эти мысли, Троцкий снова характеризует различные буржуазные классовые группы и опять касается роли крестьянства.

> «Остается крестьянство. Но, насколько мы знаем, ни Аксельрод, ни Мартов никогда не питали преувеличенных надежд на его самостоятельную революционную роль. Пришли ли они к выводу, что за протекшее десятилетие непрерывной диференциации в среде крестьянства эта роль возросла? Такое пред-

---

[1]) Л. Троцкий, «1905», стр. 289.

положение шло бы явно наперекор и теоретическим соображениям и всему историческому опыту» [1]).

Одновременно с этим Троцкий точно так же в еще более резкой форме повторял, что и мелкая городская буржуазия тоже не может быть активной движущей силой революции:

«Ремесленная и торговая мелкая буржуазия уже в революции 1905 г. играла ничтожную роль. За протекшее десятилетие социальное значение этого слоя бесспорно еще более пало: капитализм расправляется у нас с промежуточными классами несравненно более жестоко и радикально, чем в странах старой экономической культуры» [2]).

Излишне комментировать все эти слова, настолько ясно выражена здесь связь со всеми, если можно сказать, классическими положениями троцкизма, выработанными в процессе революции 1905 г. Это обстоятельство имеет двоякое значение. С одной стороны, важно иметь в виду, что Ленин вплоть до самой Февральской революции, т.-е. до решительной перемены в соотношении классовых сил, не менял своей концепции 1905 г. для ближайших задач русской революции. Следовательно, ни о каком сближении принципиальных идейных позиций Ленина и Троцкого здесь не могло быть и речи. С другой стороны, важно иметь в виду, что здесь мы подходим вплотную к позиции Троцкого в 1917 г.,—позиции, как это видно уже сейчас, не отличающейся от его позиции 1905 г.

---

[1]) Л. Троцкий, «1905», стр. 290.
[2]) Л. Троцкий, «1905», стр. 289—290.

Если и было нечто новое во взглядах Троцкого в этот период, так это лишь то, что касалось новых вопросов, не поднимавшихся раньше, — вопросов войны, империализма и т. п. Но и в этих новых вопросах Троцкий был далек от Ленина. Общеизвестно, что ленинскую позицию пораженчества Троцкий характеризовал как «оборончество наизнанку». Такая постановка вопроса не была случайной. Она целиком вытекала из троцкистского понимания эпохи империализма и путей пролетарской революции. Это понимание наиболее полно и ярко выражено в брошюре Троцкого «Программа мира», изданной в 1917 г. и представляющей собою переработку статей 1915—1916 гг. Предисловие к этой «Программе мира» помечено 25 мая 1917 г., и, значит, вся статья может быть нами отнесена по времени к той группе взглядов, о которой говорят как о «предвосхищении» или «совпадении» с позицией Ленина. Вряд ли какой-нибудь другой исторический документ в состоянии так категорически опровергнуть эту теорию «предвосхищения», как «Программа мира».

Основной, особенно значительный вывод, какой делает Троцкий в «Программе мира», состоит в том, что

> «национальное государство пережило себя— как рама для развития производительных сил, как база для классовой борьбы и тем самым как государственная форма диктатуры пролетариата» [1]).

На этом положении основывается вся сумма представлений Троцкого о путях революции.

---

[1]) Л. Троцкий, соб. соч., т. III, ч. 1, стр. 89.

Вполне в духе своего основного положения он развивает мысль, что победа революции в одной стране,—не только в России, но и в любой стране — невозможна. Соответствующие выдержки широко известны, и мы не приводим их.

Но необходимо обратить особое внимание на этот момент, потому что с ним связаны особенности троцкистского обоснования социалистического характера русской революции. Возможность победы русского пролетариата, необходимость для него брать власть в свои руки Троцкий выводил из своего представления о мировой революции как взрыве, одновременно охватывающем главнейшие страны мира. Соотношение внутренних сил русской революции, характер русской социально-экономической базы при такой постановке вопроса не могли играть большой роли. Мы не находим поэтому у Троцкого того тщательного анализа внутренних сил революции, какой имеется у Ленина. Мы не находим у него отчетливого представления о том, что соотношение этих внутренних сил, динамика их противоречий могут привести и приводят к социалистической революции и к победе пролетариата в ней. Наоборот, имеются достаточные основания полагать, что Троцкий не допускал подобной возможности. В этом отношении чрезвычайно характерна следующая выдержка:

> «Меньшевики-интернационалисты, единомышленники Мартова, в противовес нам, отрицают социально-революционную постановку политических задач. Россия,—заявляют они в своей платформе,—еще не созрела для социализма, и наша задача по необходимости ограничивается установлением демократической буржуазной республики. Все это рассу-

ждение построено на полном попрании международных связей и задач пролетариата. Если бы Россия стояла на свете одна,—рассуждение Мартова было бы правильным. Но вопрос идет о ликвидации мировой войны, о борьбе с мировым империализмом, о задачах мирового и в том числе русского пролетариата. Вместо того, чтобы об'яснить русским рабочим, что судьба России нерасторжимо связана отныне с судьбой Европы; что победа европейского пролетариата обеспечит нам ускоренный переход к социалистическому строю; что, наоборот, поражение европейских рабочих отбросит нас назад к империалистической диктатуре и монархии, наконец, к положению колонии Англии и Соединенных Штатов; вместо того, чтобы подчинять всю нашу тактику общим целям и задачам европейского и мирового пролетариата,—Мартов рассматривает русскую революцию в ограниченных, национальных рамках и сводит задачи революции к созданию буржуазно-демократической республики. Это в корне ложная постановка вопроса, над которой целиком тяготеет проклятие национальной ограниченности, приведшей к крушению II Интернационала».

«Перманентная революция против перманентной бойни! Такова борьба, в которой ставкой является судьба человечества» [1]).

Итак, что говорит Троцкий в полемике с меньшевиками, утверждающими, что Россия не созрела для социализма и что русская революция не

[1]) Л. Троцкий, собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 251—252.

имеет социалистического характера? Опровергает ли он их доводы по существу, т.-е. по отношению к России? Доказывает ли он возможность перехода к социалистической революции при данном соотношении классовых сил русской революции? Вовсе нет. Троцкий устанавливает безусловную зависимость судеб русской революции от революции мировой (см. «Судьба России нерасторжимо связана отныне с судьбой Европы... Победа европейского пролетариата обеспечит нам ускоренный переход к социалистическому строю... Поражение европейских рабочих отбросит нас назад к империалистической диктатуре»). И по существу, в отношении русской революции, в оценке динамики борьбы ее внутренних сил Троцкий вполне солидаризируется с меньшевиками. Ведь что означает это выражение: «Если бы Россия стояла на свете одна, — рассуждение Мартова было бы правильным»? Не что иное, как солидаризация с мартовской оценкой соотношения внутренних сил русской революции. Согласно со своим старым взглядом, сложившимся в период революции 1905 г., Троцкий и в 1917 г. стоял на такой точке зрения, которая не находила для русского пролетариата надежной опоры и шансов на победу в России, которая единственное спасение русской революции видела в помощи победоносной мировой революции. Вполне очевидно, что расхождение между этой точкой зрения и точкой зрения Ленина чрезвычайно велико.

V

Таким образом, партия подошла к Октябрю, неся в себе три различные точки зрения на характер русской революции: точку зрения Ленина, Троц-

кого и Каменева с Зиновьевым. В чем заключалась каждая из них,—мы обрисовали выше. Теперь необходимо подвести некоторый итог, сравнив эти различные точки зрения между собой и выделив их специфические отличительные черты.

Несомненно, что между позицией Ленина и Троцкого было очень много точек соприкосновения. Они сходились в основном практическом вопросе: итти ли в бой, брать ли власть, или нет. Преуменьшать значение этого сходства не следует, так как именно оно, конечно, сделало возможным вхождение Троцкого в партию. Именно оно обусловило единство фронта Ленина и Троцкого против «оппортунистов Октября». Но нельзя не видеть, что, с другой стороны, точка зрения Троцкого во многом совпадает с точкой зрения Каменева и Зиновьева. И совпадает как раз в основном, принципиальном—в том, что составляет фундамент политического мировоззрения. При всем различии практических выводов, Троцкого об'единяю с Каменевым и Зиновьевым одинаковое непризнание социалистического характера русской революции, взятой вне непосредственной помощи победоносной революции в других странах. Они одинаково не допускали возможности, что при этом условии русский пролетариат будет в состоянии, взявши власть, удержать ее и повести мелкобуржуазные массы, составляющие подавляющее большинство населения, за собой по дороге к социализму. Это совершенно очевидно. Если при этом Троцкий все же приходил к выводу, что власть надо брать, то только потому, что он считал неизбежным немедленный взрыв и победу революции в Европе, считал, по крайней мере, воз-

можным пойти на риск. С другой стороны, Каменев и Зиновьев тоже подчеркивали, что если бы революция в Европе началась, то они считали бы необходимым немедленное взятие власти, но так как этого еще нет, то лучше воздержаться. Совпадение принципиальной оценки динамики внутренних сил русской революции здесь полное. Различие выводов обусловливалось лишь различной степенью веры в ход революции на Западе и, быть может, тем, что принято называть революционностью темперамента.

Весьма важно оценить историческое значение этого совпадения взглядов и сравнить его с тем совпадением, которое мы констатировали выше, между позицией Троцкого и Ленина. Чисто практически, в период, когда партия готовилась к взятию власти, совпадение выводов имело большее значение, чем совпадение принципиальных позиций. Момент требовал *действия*, и при единстве действия спорить накануне восстания по общим теоретическим вопросам не имело смысла. Поэтому Ленин в этот период не полемизировал с Троцким, ограничившись лишь несколькими замечаниями, вполне точными, но не развитыми. *Но для последующей эпохи, для нашей эпохи строительства, пришедшей на смену периоду гражданской войны, положение меняется.* Те конкретные задачи, по которым было обеспечено единство действия, давно выполнены. На историческую сцену выдвинулись новые задачи, требующие новых выводов. Но ведь выводы делаются из чего-то — из определенных посылок, на основе глубоко принципиальной позиции. И тут-то должно было сказаться (и ска-

залось) влияние логического преобладания принципиальных основ политического мировоззрения над конкретными практическими выводами.

Та принципиальная общность взглядов Троцкого, Каменева и Зиновьева, которая существовала в 1917 г., оказалась исторически значительнее того совпадения действенных выводов, какое в этот период существовало между Лениным и Троцким. Именно эта принципиальная общность явилась той глубокой причиной, которая облегчила создание оппозиционного блока после XIV с'езда.

Почти нечего говорить,— настолько это ясно!— что та принципиальная общность, которая характерна для позиции Каменева, Зиновьева и Троцкого в 1917 г., носит на себе явные следы социал-демократической политической методологии. Особенность ленинской точки зрения состоит в том, что она победоносно опровергает и отвергает социал-демократические предубеждения насчет отсталости России и невозможности победы в ней социалистической революции. В этом крупнейшем вопросе Каменев и Зиновьев открыто отстаивали против Ленина шаблонную социал-демократическую позицию. Троцкий тоже, не будучи в силах преодолеть социал-демократическую традицию и оставаясь в теоретическом плену у нее, просто отмахивался от вопроса, надеясь на скорую победу европейской революции.

Может, однако, возникнуть вопрос: а нет ли все-таки элементов национальной ограниченности в той концепции, которую развил Ленин и которую продолжает развивать наша партия? В «Программе мира» Троцкий, по крайней мере, это обвинение выставил, и выставил, конечно, по адресу Ленина.

Прежде всего,—что собственно можно понимать под «национальной ограниченностью»? Если этим термином окрестить положение, считающее возможным победу пролетариата в одной стране, и этим ограничиться, то многое останется неясным. Ведь слова «национальная ограниченность» звучат как осуждение, тяжелое, суровое осуждение. Между тем, в самом признании возможности победы пролетариата в одной стране как будто ничего отрицательного, заслуживающего осуждения нет. Отрицательное может проявиться только в том случае, если признание возможности победы пролетарской революции в одной стране будет сопровождаться одновременным отказом от международных революционных перспектив, от связи с международным рабочим движением, если интересы «национальной» революции будут на деле противопоставляться интересам мировой революции. Только в этом случае выражение «национальная ограниченность» может иметь настоящий смысл. Так, между прочим, и ставил Троцкий вопрос в «Программе мира».

> «Бороться за сохранение национальной базы революции такими методами, которые подрывают интернациональные связи пролетариата,—значит фактически подкапываться под революцию...» (Курс. наш).

Стоит только так поставить вопрос,—а иначе его и нельзя ставить,—чтобы увидеть всю нелепость обвинения в «национальной ограниченности», направляемого по адресу ленинской оценки характера русской революции. Означает ли признание за русским пролетариатом возможности победить на основе соотношения внутренних сил революции

отказ от международных революционных перспектив и от связи с международным рабочим движением? Безусловно нет. Разве одно исключает другое? В своем первом «Письме издалека» («Первый этап первой революции») Ленин точно поставил вопрос:

> «Каковы союзники пролетариата в данной революции? У него два союзника: во-первых, широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населения составляющая масса полупролетарского и, частью, мелкокрестьянского населения в России... Во-вторых, союзник русского пролетариата есть пролетариат всех воюющих и всех вообще стран... С этими двумя союзниками пролетариат России может пойти и пойдет, используя особенности теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьянства над помещиками, а затем к социализму, который один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу»[1]).

Вся история дальнейшей работы партии — история существования советской власти, создание и развитие Коминтерна — является живым доказательством того, что борьба за «победу в одной стране» безусловно не исключила международной революционной перспективы и связи с мировым рабочим движением. Доказывать это просто смешно.

Точно так же международная перспектива вовсе не исключа-

[1]) Н. Ленин, собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 12—13.

лась и в самом теоретическом анализе внутренних сил революции, делаемом Лениным. Ведь когда Ленин говорил о загнивании капитализма в России, он говорил об империализме как о международном явлении, отмечал, какое колоссальное значение для развития русского капитализма имела империалистическая война, которая тоже была международным явлением. Россия все время рассматривалась в международной обстановке. Но суть была в том, что влияние международной обстановки Ленин видел так, как оно происходило в действительности: т.-е. через внутренние силы российского государства, и решение судеб русской революции он искал поэтому прежде всего в анализе тенденций борьбы ее внутренних сил. Ленин не мог рассуждать так, как Троцкий, который предпочитал «не ломать себе голову» мыслями о том, что выйдет из русской революции, будучи убежденным, что все решит Европа. Ленин, исходивший из положения о неравномерности развития капитализма, из возможности первоначальной победы пролетариата в одной стране и из перспективы дальнейшей борьбы победившего пролетариата с капиталистическим миром,— не мог не интересоваться перспективами первой пролетарской революции, ее живыми силами, не мог не «ломать себе голову», как повести эту революцию по социалистическому пути, чтобы завоевать прочную базу для дальнейшего наступления. Не «национальную ограниченность» представлял Ленин. Не «интернациональную дальнозоркость» представлял Троцкий. Столкновение их точек зрения было столкновением конкретного диалектиче-

ского подхода к намечению путей мировой революции с абстрактной схемой «взрывания» старого мира. Ленин конкретно ставил вопрос о мировом хозяйстве. Ленин конкретно ставил вопрос о возможностях социалистического строительства в России. Ленин видел двух союзников русского социалистического пролетариата. Троцкий видел абстрактно единое мировое хозяйство и абстрактную мировую революцию. При всей логической грандиозности концепции Троцкого, именно она была «ограничена» самолюбованием, сглаживанием реальных особенностей реальной обстановки, в которой начиналась революция, сглаживанием тех переходных этапов, через которые она должна была пройти.

Противопоставлять «национальную» революцию мировой можно только потеряв голову и окончательно забыв азбучные истины марксистской диалектики. Стоит ли доказывать, что мировая революция не может осуществиться как одновременный взрыв, потрясающий весь мир. История послевоенных лет это доказала со всей очевидностью. Мировая революция начинается как «национальная революция», т.-е. в рамках того или иного государства, но каждая «национальная революция» есть в то же время мировая революция, ее неот'емлемая часть. Последняя не может осуществиться иначе, как через ряд отдельных «национальных» революций, несомненно об'единенных общей программой и даже общей организацией (Коминтерн), но протекающих каждая своим своеобразным путем и зависящих в своем развитии прежде всего от соотношения классо-

вых сил того государственного об'единения, которое они призваны разрушить и пересоздать. Влияние мировых сил, военных, экономических и т. д. непременно сказывается на каждой отдельной «национальной» революции, но прежде всего через внутренние ее факторы, усиливая или ослабляя ту или иную из борющихся сил. Даже военная интервенция, наиболее прямой вид вмешательства «инонациональной» силы, имеет смысл и для контр-революции и для революции лишь в том случае, если она опирается и помогает каким-нибудь классовым элементам внутри той страны, против которой она направлена.

В лице «национальной» революции мировая революция обретает свою прочную реальную базу, которая начинает играть роль организующего центра. Дальнейшее укрепление этой базы, ее расширение составляют прямой и самый живой интерес мировой революции.

В развитии учения о «национальной» базе мировой революции—одна из главных великих заслуг Ленина. Чтобы иметь полное представление об этом учении, необходимо вспомнить те споры, которые развернулись в период заключения Брестского мира. Именно в это время Ленин наиболее полно и точно сформулировал свои мысли о Советской республике как базе мировой революции.

В чем заключались внутренние разногласия в период Бреста—общеизвестно. Спор шел о том, заключать ли тяжелый, позорный мир с немцами, или нет. Советская республика находилась в тяжелом положении. Немецкие войска наступали с молниеносной быстротой. Продолжение войны означало верную гибель советской власти. «Левые»

коммунисты, стоявшие за продолжение войны, не смущались этим. С их точки зрения мир с империалистами равнялся измене революции. Советская власть, заключив такой мир, потеряла бы значение революционной власти пролетариата. Лучше итти на утерю власти, чем на сохранение ее ценою компромисса. Последняя мысль была вполне открыто высказана в резолюции Московского окружного комитета партии: «В интересах международной революции мы считаем целесообразным итти на возможность утраты советской власти, становящейся теперь чисто формальной».

Ленин со всей решительностью нападал на «левых» коммунистов за всю их позицию и за последнюю мысль в особенности. «Странное и чудовищное»—озаглавил он статью, направленную против упомянутой резолюции. «Странным и чудовищным» находил Ленин утверждение, находившее возможным в интересах мировой революции пожертвовать советской властью. Ленин находил совершенно неправильным это противопоставление советской власти мировой революции.

Когда левые в своих рассуждениях пытались доказать, что продолжение революционной войны поможет революции в Германии, что германская революция не даст немецкому империализму задушить русскую революцию,—Ленин опять-таки со всей решительностью протестовал против такой постановки вопроса. Разумеется, Ленин не отрицал, что международная революция зреет, что революция в такой стране, как, например, Германия, была бы выше в социальном смысле, чем русская революция. Но он считал совершенно невозможным предусмотреть точный срок германской или

иной революции. И поэтому Ленин находил необходимым стараться всеми средствами сохранить диктатуру пролетариата в той единственной стране, в которой она утвердилась. Безоглядное перенесение ставки на тот «икс», которым являлась международная революция, казалось Ленину непростительным, легкомысленным авантюризмом.

«Положение дел с социалистической революцией в России должно быть положено в основу всякого определения международных задач новой советской власти, ибо международная ситуация на четвертом году войны сложилась так, что вероятный момент взрыва революции и свержения каких-либо из европейских империалистских правительств (в том числе и германского) совершенно не поддается учету. Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши надежды на о к о н ч а т е л ь н у ю победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении. Наша пропагандистская деятельность вообще и организация братания в особенности должны быть усилены и развиты. Но было бы ошибкой построить тактику социалистического правительства в России на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская социалистическая революция в ближайшие полгода (или подобный краткий срок), или не наступит. Так как определить этого нельзя никоим образом, то все подобные попытки об'ективно свелись бы к слепой азартной игре» (т. XV, стр. 59).

Приведенная выдержка не оставляет желать ничего более точного и ясного. С другой стороны,

положения, развитые здесь Лениным, не связаны исключительно с Брестским миром. Они имеют большое общее значение. Они выражают полную громадного значения мысль, что необходимо твердо и неуклонно охранять завоеванные в России позиции мировой революции, не подвергать себя во имя внешне блестящих лозунгов риску потерять завоеванное. Эту мысль Ленин повторял на протяжении дискуссии много раз в самых разнообразных формулировках. Мы считаем необходимым привести некоторые из них, чтобы возможно более выпукло обрисовать позицию Ленина.

«... Было бы совершенно недопустимой тактикой ставить на карту судьбу уже начавшейся в России социалистической революции только из-за того, начнется ли германская революция в ближайший, кратчайший, измеряемый неделями срок. Такая тактика была бы авантюрой. Так рисковать мы не имеем права» (т. XV, стр. 63).

«Одно дело—быть убежденным в созревании германской революции и оказывать серьезную помощь этому созреванию, посильно служить работой, агитацией, братанием,—чем хотите, только работой этому созреванию. В этом состоит революционный пролетарский интернационализм. Другое дело—заявлять прямо или косвенно, открыто или прикрыто, что немецкая революция уже созрела (хотя это заведомо не так), и основывать на этом свою тактику. Тут нет ни грана революционности, тут одно фразерство» (т. XV, стр. 95—96).

Не чувствует ли читатель, как живы эти слова и теперь, как они злободневны? А вот еще более близкие к нашей теперешней обстановке мысли:

«Как совершенно бесспорно, что все трудности нашей революции будут превзойдены лишь тогда, когда мировая социалистическая революция, которая везде зреет, наконец, дозреет,—совершенно абсурдно утверждение, что каждую данную конкретную сегодня трудность нашей революции мы должны припрятать, говоря: «Я ставлю карту на международное социалистическое движение и могу делать какие угодно глупости» (т. XV, стр. 121).

Мы считаем, что не может быть никаких двойственных толкований той позиции, которую Ленин занимал в период Бреста. Отстоять во что бы то ни стало советскую власть — вот была основа этой позиции. Отдать, что можно отдать, уйти за Урал, стесниться до крайности, но жить, бороться и быть уверенными в победе. Не обольщать себя грандиозными перспективами, держаться крепко за то, что есть. В своем разоблачении революционного авантюризма Ленин доходил до самых резких формулировок.

«Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка. Я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки, но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам?» (т. XV, стр. 125—126).

«Эта газета носит кличку «Коммунист», но ей следовало бы носить кличку «Шляхтич»,

ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: «Мир—это позор, война—это честь». Они смотрят с точки зрения шляхтича, но я подхожу с точки зрения крестьянина» (т. XV, стр. 128).

В последних выдержках вопросы заострены до крайности. Мы, конечно, знаем, что в этих выражениях Ленина не было никакого отступления от пути интернационализма и от точки зрения пролетариата. Именно правильно понятые интересы мировой революции требовали всех мер и способов защиты советской власти, именно интересы пролетариата требовали необходимых уступок крестьянству.

Приведенного вполне достаточно, чтобы дать представление о ленинской постановке вопроса о Советской республике как базе мировой пролетарской революции. Мы лишены возможности развить вопрос с большей подробностью[1]). Нам важно отметить основное. Нам важно показать, как неправильно в самом корне стремление противопоставить интересы мировой революции интересам пролетариата, победившего в одной стране. Ленин, который не был схематиком, который умел все общее и отвлеченное представить в частных конкретных образах, допускал возможность—благодаря закону неравномерности развития капитализма—победы пролетариата в одной стране, и

[1]) Особенно жаль, что мы не можем привести интереснейших мыслей Ленина об «Урало-кузнецкой республике». Читатель найдет по этому вопросу материал в книге Троцкого—«О Ленине».

когда эта победа осуществилась, он считал необходимым во что бы то ни стало отстаивать ее завоевания, видя в этих завоеваниях победу всего мирового пролетариата, а не только русского. Как вождь живых реальных масс, а не абстрактных исторических сил, Ленин не мог мыслить и действовать иначе.

И борьба российского пролетариата в Октябре и социалистическое строительство, которое развивается в наши дни,—одинаково являются неот'емлемыми частями процесса мировой пролетарской революции. Совсем не случайно замечание, которое Ленин сделал еще в 1918 г. в брошюре «Очередные задачи советской власти»:

> «...Серьезное содействие запоздавшей, в силу ряда причин, социалистической революции на Западе мы окажем лишь в той мере, в какой сумеем решить поставленную перед нами организационную задачу» (т. XV, стр. 180).

В этих немногих словах заключено одно из важнейших и глубочайших положений ленинизма. Почти нечего оговаривать, что это положение ни в какой степени не умаляет значения революционной работы в странах, где господствует капитализм. Оно только включает в цепь революционных усилий мирового пролетариата нашу строительную работу. И поэтому эти слова Ленина являются наилучшим заключением к характеристике ленинской оценки социальной сущности и перспектив российской революции.

ИЗД-ВО МК ВКП(б) и МОССОВЕТА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

МОСКВА—центр, Кузнецкий Мост, 7. Телефон 5-20-57
ЛЕНИНГРАД—Проспект Володарского, 53а

Милонов, К., и **Матусевич, В.**— Основные вопросы ленинизма. Рабочая книга для слушателей марксистско-ленинских кружков, вечерних совпартшкол и для самообразования. Вып. I. 276 стр. 1 р. 25 к.

Редактор К. А. Попов. Выдержки из Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и т. п., систематизированные по темам: I. Марксизм и ленинизм. II. Теория пролетарской революции. III. Диктатура пролетариата. По каждой теме кроме выдержек из классиков — введение, освещение извращений марксизма (оппозицией и ревизионистами) и указатель литературы по степеням трудности. Об'яснения иностранных слов, подробные примечания.

Агол, И.—Основы марксизма. («Анти-Дюринг» Ф. Энгельса). 3-е изд. 165 стр. 65 коп. (Б-ка молодого коммуниста. Под общ. ред. МК РЛКСМ. Ред. В. С. Сарабьянова).

Сокращенное, популярное издание классического произведения Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», дающего основы философии марксизма, политэкономии и научного социализма.

Библиотека
Института Ленина

ЦЕНА 40 КОП.

21377

Кр.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА
«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
Москва, Центр, Кузнецкий Мост, 7.
Ленинград, Проспект Володарского, 53а.